

Ляйсян ШАФИКОВА,
студентка педагогического колледжа,
г. Бугуруслан

ЖИЗНЬ ЕГО ПЕСНЕЙ ЗВУЧИТ В НАРОДЕ

Маленькая точка на карте мира, не видимая простым глазом, место, где родился 115 лет назад поэт Муса Джалиль, сегодня может рассказать ценителям его творчества много интересного. Небольшое татарское село Мустафино, затерянное среди степей и лесов, находится в Оренбургской области, далеко от мегаполисов, на берегу небольшой речушки Неть. Красивая природа, добрые приветливые люди, заботливые родители — вот та атмосфера, в которой проходило становление будущего поэта. Сегодня имя Мусы Джалиля знают многие, его именем названы улицы городов и сёл, на родине поэта и драматурга, Героя Советского Союза, создан мемориальный комплекс в честь него, погибшего в фашистских застенках в годы Великой Отечественной войны. Спустя много лет мы не перестаём преклоняться перед подвигом людей, спасших человечество от коричневой чумы — фашизма, не согнувших колена, не предавших Родину.

О многогранности таланта поэта я и хотела бы рассказать. С самого раннего детства я знакома со стихами Мусы Джалиля. Моя бабушка Галина Сергеевна, учитель начальных классов, читала и переводила мне строки из стихов поэта, а чуть позже рассказа-

ла о подвиге земляка. Его стихи, о чём бы они ни были: о войне, о колхозе, о Родине, — связаны с его любимой темой — размышлением о смысле человеческой жизни. У меня в руках томик стихов поэта на татарском языке.

Я читаю его стихи в оригинале. Ничто не даёт такого проникновенного чтения, восприятия особенностей национального колорита, как чтение на татарском языке. С фотографии из сборника на меня смотрят умные, любознательные глаза. Я представляю юного Мусу, лежащего в густой зелёной траве, с прикрытыми от яркого солнца глазами, в тот момент, когда в его голове появляются строки, наполненные любовью к малой родине, родным местам, людям, матери. Читая строки, я слышу шум ручья, шелест деревьев, пение соловья, который прилетает к роднику напиться воды. В своих произведениях поэт разговаривает с ветром:

*Ветер щёлкнул по стеклу,
Стукнул в двери, чтоб я вышел.
«Ветер, ветер, не шали, —
Говорю я, — слышал, слышал!»*

Говоря о своём жизненном пути, он сравнивает его с песней ручья:

*И я хотел бы
Жизненный свой путь
Со звонкой песней, как ручей,
пройти.*

Большое влияние на формирование внутреннего мира будущего поэта оказала его мать Рахима-апа. Спокойная, тихая, уравновешенная, полная противоположность темпераментному и вспыльчивому Мустафе-абзы, она обладала бесконечным терпением и стойкостью.

Путь Мусы Джалиля был сложным, но поэт никогда не унывал. По жизни ему помогали идти близкие люди и друзья. Мальчик рос скромным, открытым, искренним. Первые годы его жизни, как и у большинства сверстников, были трудными: голодное детство, ранняя смерть отца, быстрое взросление. Как обычный татарский мальчик того времени, он пошёл сначала в деревенскую школу, а потом учился в Оренбурге в медресе «Хусаиния». Уже с юных лет будущий поэт страстно интересовался литературой, в восемь лет начал сочинять стихи. Джалиль впоследствии вспоминал, что первые стихотворения, которые не сохранились, были написаны им в духе восточной классики под влиянием творчества Омара Хайяма, Саади, Физули. Наибольшее влияние на начинающего поэта оказало культурное наследие великого Габдуллы Тукая, большинство стихов которого молодой Муса знал наизусть. С детства он был знаком с лучшими творениями русской литературы, зачитывался

произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова. Будучи человеком творческим, он создал в родном селе отряд юных коммунаров, который называли «Кызыл чэчэк», что в переводе означает «красный цветок», и в созданном им драмкружке участвовал в постановке небольших пьес.

Постепенно поэт вырослел, география его поездок выходила за пределы знакомых с детства мест. Он много ездил по стране, знакомился с людьми, организовывал работу литературных объединений, налаживал выпуск татарских периодических изданий. В этот период особенно пафосно звучит в его стихах призыв к строительству нового общества, новой жизни:

*Нет, сильны мы — мы найдём
дорогу,
Нам ничто не преградит пути.
Нас, идущих к светлой цели,
много,
Мы туда не можем не дойти!*

Расцвет творчества поэта приходится на годы жизни в Казани и Москве. На прилавках книжных магазинов появляется сборник Джалиля «Товарищу», изданный в Москве на татарском языке. Вслед за ним в 1933 и 1934 годах в Казани вышли два новых сборника: «Орденосные миллионы» и «Стихи и поэмы», в 1935 году — первая книга стихотворений Джалиля, переведённых на русский язык. Интересными и незабываемыми событиями была наполнена жизнь поэта в Москве.

Оренбуржцы часто собирались вместе, совершали прогулки по столице, вели разговоры о прочитанных книгах и новых кинофильмах, о первых новостройках и мировых проблемах. Душою землячества были студенты МГУ Абдулла Давлетшин и Муса Джалиль.

Отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь Муса много делал для творческого становления нового поколения прозаиков и поэтов. Кто и когда бы ни обращался к нему за поддержкой, он всегда откликнулся и помогал. Символично, что одна из престижных республиканских премий в современном Татарстане носит имя Мусы Джалиля. Эта премия вручается молодым людям за особые успехи в области литературы, искусства, науки, журналистики и общественной деятельности. Поражает и то, что талант поэта дал ему возможность стать также основоположником татарского музыкального театра. Он с увлечением работал над большой лирической поэмой и одновременно дописывал либретто оперы «Алтынчеч».

Постоянный поиск жанров и форм, активная общественная деятельность Джалиля вновь связывает его с Татарстаном. В 1939 году литераторы доверили ему руководить республиканской писательской организацией и литчастью построенного Татарского оперного театра. У поэта немало творческих замыслов: он задумывает роман об истории комсомола, поэму о жизни современного села, либретто оперы о каспийских рыбаках.

Великая Отечественная война перечеркнула планы поэта. Джалиль неоднократно обращается в Главное политическое управление Красной Армии и в Союз писателей с просьбой отправить его в действующую армию. Наступил последний, очень краткий, но самый яркий и славный период его жизни и творчества. В апреле 1942 года Муса Джалиль попал на Волховский фронт, в редакцию армейской газеты «Отвага». «Я сейчас в подлинно боевой обстановке, — писал Джалиль лучшему другу, татарскому писателю Гази Кашшафу в последнем своём письме 3 июня 1942 года. — Часто бываю на передовых линиях. С автоматом в руках прохожу через опасные леса, болота и ущелья чуть ли не у самых огневых точек врага. Военкор — это далеко не мирное и спокойное занятие, приходится одновременно воевать и писать».

К лету 1942 года между Новгородом и Чудово развернулось одно из самых драматических сражений Великой Отечественной войны. Плотно окружённая фашистами, собрав последние силы, наша армия пошла на прорыв. Сквозь непрекращающийся огонь врагов по непроходимым чащобам и илистым топям пытались вырваться из окружения советские бойцы. Чтобы открыть дорогу товарищам, раненые и больные шли на минные поля. Одну из групп вёл на прорыв старший политрук Муса Джалиль. Десятки тысяч советских солдат и офицеров погибли, многие попали в плен. Среди пленных оказался

и старший политрук Залилов. Словно предчувствуя, что его могут обвинить в предательстве, он писал в стихотворении «Прости, Родина!»:

*Кто посмеет сказать,
что я тебя предал?
Кто хоть в чём-нибудь бросит
упрёк?
Волхов — свидетель:
я не струсил,
Пылинку жизни моей не берёг...*

Не только Волхов был свидетелем. Много лет спустя оставшиеся в живых соратники поэта из газеты «Отвага», бывшие узники фашистских лагерей смерти, товарищи по подполью поведали миру о бессмертном подвиге Джалиля. Об ужасах фашистской неволи написано немало, но никто не расскажет об этом так, как это сделали сами узники концентрационных лагерей и тюрем, свидетели и жертвы кровавой трагедии. Одним из неповторимых, обжигающих своей подлинностью документов истории являются стихи Мусы Джалиля из цикла «Моабитская тетрадь».

Тексты, созданные в Моабитской тюрьме, не просто обличающий документ, но и самая высокая поэзия. Её отличают подлинная внутренняя культура, уверенное владение стихом, глубокая национальная основа. Многие произведения, написанные в тюрьме, построены как прямое обращение, лирическое послание к Родине, к любимой, к дочери Чулпан, к друзьям, единомышленникам. В одних

стихах адресатом является родная земля, народ («Прости, Родина!», «К Двине»), в других — враждебные силы («Палачу», «К смерти»). Конкретность адресата придаёт поэтической речи Джалиля особую взволнованность, достоверность и проникновенность.

*Не преклоню колен, палач,
перед тобою,
Хотя я узник твой, я раб
в тюрьме твоей.
Придёт мой час — умру.
Но знай: умру я стоя,
Хотя ты голову отрубешь мне,
злодей.*

Гитлеровская пропаганда рисовала для оказавшихся в плену советских людей радужные перспективы создания после победы Германии новых «государств» на обломках Советского Союза. Это был циничный обман, Джалиль и его соратники с самого начала знали реальную цену таким обещаниям. Однако очень важно было разьяснять истинные цели фашистов другим — тем, кто под угрозой пыток, голодной смерти, по причине политической наивности попался на удочку нацистской пропаганды. Так возникла подпольная группа советских патриотов в легионе «Идель-Урал», которая ставила цель сорвать коварные замыслы врага, повернуть оружие против самих же фашистов.

Подпольщики внедрились в редакцию газеты «Идель-Урал», издаваемой германским командованием, распространяли среди легионеров антифашистские листовки, создавали тайные боевые

группы. Подпольная группа, которой руководил Муса Джалиль, была связана с несколькими лагерями военнопленных и с действовавшим в Берлине подпольным комитетом ВКП(б). В результате первый же брошенный на Восточный фронт батальон Волго-Татарского легиона поднял восстание и, истребив немецких офицеров, влился в белорусский партизанский отряд. Деятельность группы продолжалась около года. Только в августе 1943 года Джалиль и его соратники по Сопротивлению были схвачены гестапо. В течение года герои томились в фашистских застенках, мужественно перенося пытки и издевательства палачей. Наверное, сложно понять, как в этих нечеловеческих условиях Муса Джалиль продолжал писать патриотические стихи.

Не оправдавший надежд гитлеровцев легион был расформирован, Джалиля и его товарищей бросили в мрачные, узкие, как каменные гробы, камеры Моабитской тюрьмы. Днём и ночью их вызывали на допросы, устраивали очные ставки, разного рода провокации, пытали. Жестокие пытки не сломили поэта, одно за другим появляются в его маленьком блокноте новые стихотворения. Джалиль писал:

*Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждёт меня палач
и вырыта могила,
Я ко всему готов.*

*Но мне ещё нужны
Бумага белая и чёрные чернила!*

Я думаю, что нужно было иметь колоссальное мужество,

чтобы, предчувствуя гибель в фашистском плену, поддерживать дух оставшихся в живых такими призывными и бодрими стихами:

*Лишь тот побеждает в бою
до конца,
Чья воля к победе упрямее стали.*

7 февраля 1944 года в Дрездене начался военно-полевой суд над поэтом и его товарищами. От имени всех на суде выступал Муса Джалиль, который заявил, что они не признают свою вину, что никакого преступления перед народом не совершали. Все были приговорены к смертной казни. На рассвете, в 6 часов утра, 25 августа 1944 года Джалиля и десять его соратников вывезли из тюрьмы Шпандау. В тот же день все они были гильотинированы в кирпичном сарае на территории военной тюрьмы Плётцензее.

От тюрьмы Плётцензее до места казни 114 шагов. О чём думал поэт, когда проходил эти последние шаги жизни?

Я уверена, что он вспоминал то место, где родился и вырос, свою семью и Родину, которую не предал даже под жестокими пытками и угрозой смерти. Незримая нить связывала поэта с волей, с родными и милыми сердцу местами, где была прожита такая короткая, но удивительно прекрасная жизнь.

*Как по долине льющийся родник,
В дороге пел я песни то и дело.
И всё казалось сердцу,*

*что от них
Земля вокруг цвела и молодела.*